

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы Российской академии наук
(ИРЛИ РАН)**

Отдел взаимосвязей русской и зарубежных литератур

Научно-квалификационная работа

**АНГЛО-РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО
В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ**

Аспирант

Аршинова Ирина Владимировна

Научный руководитель

д.ф.н., чл.-корр. РАН Багно Всеволод Евгеньевич

«Допустить к защите»

«__» _____ г.

ВВЕДЕНИЕ

Мощное влияние, оказанное русской литературой на английскую культуру на рубеже XIX-XX веков, составляющее важнейшую часть так называемой «русской лихорадки» («Russian fever», «the Russian disease») — факт общепризнанный. Однако при всей неоспоримости этого факта, при всей интенсивности и плотности этого этапа историко-литературного процесса, при всем многообразии свидетельств — изучение этого явления имеет определенные сложности. Составители одного из последних авторитетных сборников статей (2013 год), посвященных исследованию русско-английских связей, в предисловии указывают на актуальность выявленного более полувека назад своеобразного парадокса изучения «русского присутствия» в английском культурном пространстве: несмотря на богатейший материал, оно редко выходит за рамки «самого неопределенного из обобщений» («it rarely goes beyond the vaguest of generalizations») [1]. Именно поэтому в данной области, несмотря на обширную библиографию вопроса, существуют лакуны, с необходимостью подлежащие заполнению: непроясненность целого ряда фактов и вытекающая из нее невозможность дать адекватную интерпретацию изучаемым феноменам ставит под сомнение правомерность тех самых «обобщений», на которых зиждется наше понимание рассматриваемого этапа русско-английских литературных и культурных взаимоотношений в целом. К таким лакунам, без сомнения, относятся история Англо-русского литературного общества (The Anglo-Russian Literary Society) и его роль в диалоге литератур России и Великобритании конца XIX — начала XX века.

Основанное в Лондоне в 1893 году Эдвардом А. Казалетом (Edward A. Cazalet) (1836–1923), Общество просуществовало вплоть до начала 1930-х годов, будучи порождением, свидетелем и свидетельством небывалого интереса англичан к русской культуре. Собирая в свои ряды многих видных представителей России и Великобритании той поры, Общество постепенно заручилось официальным покровительством сначала цесаревича, а затем

императора Николая II и его супруги, герцога и герцогини Саксен-Кобург-Готских и Эдинбургских¹, великого князя Константина Константиновича (К. Р.). Общество проводило ежемесячные собрания в стенах Имперского института в Лондоне², на английском и русском языках слушало и обсуждало сообщения самой широкой тематики, так или иначе касающейся англо-русских отношений, и издавало в среднем три раза в год (по итогам работы за каждые три месяца с перерывом на август-сентябрь и впоследствии январь) «Труды» («Proceedings»), с 1893 по 1920 год, где помимо текстов представленных докладов публиковались многочисленные заметки критического и реферативного характера.

Будучи весьма характерным явлением этого насыщенного, но недолгого периода английской увлеченности русской культурой, Общество тем не менее за почти истекшие 90 лет с момента завершения своей деятельности всего дважды [2; 3], насколько нам известно, становилось объектом пристального исследовательского интереса. Статьи Галтон и Давидсона носят обзорно-ознакомительный характер и по жанру во многом походят на расширенную версию словарной статьи. Их неоспоримым достоинством является безусловная новизна материала и полнота рассмотрения поставленных вопросов. Если Д. Галтон в статье 1970 года, ставшей первым научным опытом

¹ Великая княжна Мария Александровна (1853-1920), единственная дочь Александра II, была выдана замуж за сына королевы Виктории Альфреда (1844-1900). Титулатура супругов несколько различалась (что отражено и в их именовании в списке патронов Общества): Альфред — Его Королевское Высочество герцог Саксен-Кобург-Готский и Эдинбургский, Мария — Ее Королевское и Императорское Высочество (Her Royal and Imperial Highness) герцогиня Саксен-Кобург-Готская и Эдинбургская.

² Имперский институт (the Imperial Institute, 1893–1958) — учреждение, созданное в Лондоне во времена правления королевы Виктории для демонстрации и изучения достижений промышленности, торговли и искусств британских колоний.

описания феномена Англо-русского общества, все внимание уделила восстановлению истории Общества по материалам «Трудов» и отчасти личным воспоминаниям, то А.Б. Давидсон почти сорок лет спустя реконструировал исторический, политический и общекультурный контексты его появления.

Однако как статья Д. Галтон, так и статья А.Б. Давидсона оставляют почти без внимания рассмотрение посреднической роли Общества в русско-английском диалоге литератур. Подобное состояние вопроса обуславливает *актуальность* настоящего исследования и служит основанием для того, чтобы сформулировать его *цель* таким образом: описать и проанализировать роль Англо-русского литературного общества и издававшихся им «Трудов» в осмыслении образа России в английской литературе и формировании репутации русской литературы в Великобритании рубежа XIX-XX веков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*: 1) проанализировать динамику развития «русского мифа» в Англии на примере восприятия образа России в английской популярной литературе этого периода членами Англо-русского литературного общества; 2) описать способы первичной репрезентации русских поэтов и писателей инокультурной читательской аудитории в «Трудах Англо-русского литературного общества».

Методология научной работы основывается на комплексном подходе, сочетающем историко-литературный, описательный и сравнительный методы с привлечением рецептивной эстетики.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

По теме научно-квалификационной работы опубликованы следующие статьи:

1) Серебряный век в "Трудах Англо-русского литературного общества" // Русская литература. 2018. №4. С. 91-96.

2) "Изображение русской жизни в английских романах вводит в заблуждение": взгляд Англо-русского литературного общества на русскую тему// Русская литература. 2019. №3. С. 50-53.

ГЛАВА 1. АНГЛО-РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО В ДИСКУССИИ ОБ ОБРАЗЕ РОССИИ В АНГЛИЙСКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Англо-русское литературное общество уже в момент своего возникновения четко определило цели, которыми собиралось руководствоваться в своей деятельности; их описание предпосылалось каждому выпуску издаваемых Обществом «Трудов». Джон Поллен (John Pollen), многолетний член Комитета Общества и один из самых активных его участников, читавший своеобразную «вступительную лекцию» на первом собрании 3 января 1893 года, определил одну из этих целей как «общую, или социальную» («general, or social»), а остальные как «частные, или литературные» («particular, or literary»). Общей, или социальной, целью, достижению которой должны были служить все прочие, была пятая — «способствовать дружественным отношениям Великобритании и России» («To promote friendly relations between Great Britain and Russia»; здесь и далее пер. с англ. мой. — *И. А.*). Первые же четыре собственно литературные цели были следующими: 1) продвигать изучение русского языка и литературы («To promote the study of the Russian Language and Literature»); 2) получать текущую русскую периодику; 3) организовывать ежемесячные собрания для чтения и обсуждения текстов, соответствующих тематике Общества; 4) собирать библиотеку русских книг, «особенно интересных с англо-русской точки зрения» («especially interesting from an Anglo-Russian point of view») [4, 9-10].

Надо сказать, что «англо-русская точка зрения» — обозначение не только принципа формирования библиотеки Общества или даже принципа отбора тем для докладов и обсуждений. Думается, что таким же образом можно определить и тот способ видения и анализа материала, будь то литературного, публицистического или, так сказать, «жизненного», к выработке которого Общество, по меньшей мере, в период расцвета и в лице своих наиболее вовлеченных членов, действительно стремилось. Этому способствовал целый

ряд факторов, в частности, особенности биографии основателя, президента и главного идеолога Общества Эдварда А. Казалета.

Эдвард или, как его называли в России, Эдуард Александрович Казалет по роду деятельности был связан с торговлей (он служил секретарем Русского общества пароходства и торговли в Одессе) и прямого отношения к литературе не имел. Родившись в Санкт-Петербурге в 1836 году, он провел в России большую часть жизни и только в зрелом возрасте переехал в Англию [2, 272]. Сын русской матери и англичанина, Казалет владел родными языками обоих своих родителей, хотя английский язык и английская идентичность занимали доминирующее положение, насколько можно судить по разного рода его обмолвкам и небольшим признаниям, разбросанным по репликам и выступлениям на заседаниях Общества. Казалет имел в России не только деловые высокопоставленные знакомства, но и друзей, признавался, что провел здесь «лучшие годы своей жизни», и полагал, основываясь на своем опыте, что главной причиной прохладного отношения англичан к России является практически полное отсутствие актуальных знаний о ней, что не раз подчеркивал во время своего краткого вводного выступления на первом собрании Общества, обосновывая необходимость его создания [5, 6].

Кроме Казалета, тот или иной «русский опыт» имели многие из членов Общества, выступавших с сообщениями или присутствовавших на заседаниях в качестве дискуссантов. Несовпадение, иногда радикальное, их собственных впечатлений о России и того ее образа, который создавала английская популярная беллетристика, — тема, нечасто, но тем не менее неуклонно возникающая на страницах «Трудов». Однако предметом обстоятельного обсуждения она стала лишь однажды — на заседании, которое имело место в стенах Имперского института в Лондоне 4 июля 1899 года.

На этом заседании некая мисс Тулмин Смит выступила с сообщением о том, что «изображение русской жизни в английских романах вводит в заблуждение». Текст ее выступления был опубликован в № 25 «Трудов Англо-русского литературного общества» за май–июль 1899 года, где он занимает 16

страниц некрупным шрифтом. Еще 7 страниц занимают реплики слушателей, что, как представляется, говорит не только о важности выбранной темы для членов Общества, но и об актуальности выдвинутого тезиса [6]. Более того, этот доклад имел успех не только у своей непосредственной аудитории — к нему как к любопытному свидетельству литературной эпохи обращались такие выдающиеся исследователи русско-английских литературных связей, как академик М. П. Алексеев [7] и Э. Г. Кросс, поскольку, по замечанию английского исследователя, «это первое обсуждение русской темы в английской литературе» [8]. Здесь можно только добавить, что как таковое — это одна из несомненных удач Англо-русского литературного общества.

Что же стоит за довольно провокативным утверждением мисс Тулмин Смит, которое она даже посчитала необходимым вынести в заголовок? Докладчица рассматривает в центре внимания докладчицы — восемь текстов 1890-х годов, так или иначе затрагивающих русскую тему. Все они принадлежат некогда популярным и плодовитым английским беллетристам рубежа XIX–XX веков, имена которых, однако, уже практически ничего не говорят современному читателю: это «Кронштадт» Макса Пембертона (Pemberton «Kronstadt», 1898), «По приказу царя» Джозефа Хаттона (Hatton «By Order of the Czar», 1890), «Осужденный как нигилист» Джорджа Хенти (Henty, «Condemned as a Nihilist», 1893), «Белый царь» и «Сирена» Элизабет Мид-Смит (L. T. Meade «The White Tsar» — 1896, «The Siren» — 1898), «Моя официальная жена» Ричарда Генри Севеджа (Savage «My Official Wife», 1891), «Сын царя» Джеймса Грэма (Graham «Son of the Tsar», 1898) и «Сеятели» Генри Сетона Мерримена (Merriman, «The Sowers», 1896). Роман Мерримена анализируется Тулмин Смит более подробно, чем остальные, вероятно, потому, что был самым успешным и широко известным из перечисленных. Более того, этот текст не лишен, по ее словам, выдающихся литературных достоинств, с чем во время дискуссии соглашались и ее слушатели. Однако хотя Россия — одно из двух основных мест действия романа, а мысли и поступки главных героев неразрывно связаны со стремлением к ее будущему благу, Тулмин Смит

находит, что в целом «в нем очень мало русского» («there is so very little that is Russian about it») [6, 100] и подобная история, хотя и интересна, «могла бы разворачиваться в любой стране» [6, 101]. Ничего специфически русского она не находит в характерах главных героев, нигилистах и участниках тайного общества князе Павло Алексисе (Pavlo Alexis) и русском немце Карле Штейнметце (Karl Steinmetz); несколько выше оценивает образ Катрины Ланович (Catrina Lanovitch). Обширен список авторских «промахов» и неточностей в описании русской действительности, который также был дополнен во время обсуждения, но далеко не исчерпан, поскольку, действительно, «ошибки в изображении местного колорита идут от начала и до конца романа: чувствуется, что автор никогда не был в России, а если и был, то очень короткое время, и не имел склонности к наблюдению» [6, 100]. Можно сказать, что по итогам обсуждения романа «Сеятели» Англо-русское литературное общество отказывает Мерримену как в знании фактической стороны российской действительности, так и в понимании ее мировоззренческих основ.

Однако Тулмин Смит и Англо-русское литературное общество интересуют не столько сами по себе огрехи в изображении образа России и русских, сколько более масштабный процесс в английской литературе конца XIX века, одним из показателей которого они являются. Замечая, что вынесенное ей в заголовок утверждение относится только к английским романам последних лет, поскольку «мода вводить в английскую литературу нигилистов-заговорщиков и делать Санкт-Петербург или другой российский город местом действия некоторых глав» появилась совсем недавно [6, 88], мисс Тулмин Смит констатирует: «Эти книги широко распространены и обычно вызывают у читателей интерес, перерастающий в страх к концу книги. Заключительным главам удается оставить читателя в изумлении от необычайной власти героини над ее спутниками, от ее редкой красоты и способности озадачивать других («by her skill in mystifying others»), от ее великолепных нарядов и глубоко укорененного желания отомстить за зло,

причиненное ей или ее близким. Месть служит мотивом ее действий, что обычно приводит к катастрофе, причем она превращает своего доверчивого обожателя, который завоевывает вашу симпатию, в орудие в своих руках.

В пяти романах из шести будет заговор нигилистов. Англичанин будет втянут в него — и друзья попытаются спасти его от русской тюрьмы, читатель же будет дрожать от страха, пока они это делают. Все это может помочь создать захватывающую историю, но не дает подлинной картины русской жизни, какой я ее узнала за долгие годы своего пребывания в этой стране («it does not give a true picture of Russian life as I have learnt to know it during a residence of many years in that country»)» [6, 88-89]. Таким образом, как мы видим, мисс Тулмин Смит, сама воспринимая это, скорее, как желание объяснить возникшее противоречие между своим жизненным и читательским опытом, фиксирует глубокую мифологизированность русской темы в английской беллетристике 1890-х годов, описывает несколько устойчивых элементов и логику развертывания этого мифа и сама же выступает его первым критиком. Это примечательно еще и потому, что Тулмин Смит явно не опознает в фиксируемом ей явлении продукт становящейся мифологии, еще не оформившейся до конца, но уже приобретшей хорошо узнаваемые впоследствии черты. Именно поэтому в качестве контраргумента против описанной ей схемы «романа на русскую тему» она в первую очередь приводит собственные наблюдения и воспоминания о жизни в России. Вместо «великолепной мстительницы» из популярных романов она с симпатией говорит о русской дворянке, ее внутреннем мире, укладе жизни, привычках и семейных обязанностях [6, 89, 93–95]; искренне недоумевает, почему ни в одном из известных ей романов нет представителей важнейших сословий русского общества, таких как священник, купец и чиновник [6, 95–97]. Кроме того, Тулмин Смит с сожалением отмечает в качестве некоего искажения восприятия, что английская литература, будь то публицистическая или художественная, чаще всего останавливается только на том, «что есть мрачного, печального, трагического в русской жизни» [6, 93]. И можно сказать, что

подобное искажение, нарушая пропорции, так сказать, «исходного материала», и формирует ту самую «вводящую в заблуждение» картину. Интересное объяснение этому явлению предлагает один из участников дискуссии, деятельный член Общества Генри Хэйвлок (Henry Havelock): «Несомненно, описания, даваемые нашими романистами, неверны («no doubt the descriptions given by our novelists were not true»), но необходимо помнить, что Россия, хотя и быстро перестает быть таковой, еще до некоторой степени неизвестная страна. При описании картины необходимо иметь элемент вероятности/гадательности («an element of probability»), поэтому для того чтобы обеспечить его, следует расположить место действия как можно дальше. Россия, будучи самой отдаленной из европейских стран, и есть такое место» [6, 105].

Весьма любопытным представляется то, какой выход для русской темы из сложившейся ситуации видит Тулмин Смит. В качестве примера надлежащего описания русской жизни она приводит сцену завтрака Кити и Левина из «Анны Карениной», где герои решают, может ли Кити ехать с мужем к его умирающему брату. То есть фактически докладчица предлагает русской теме в английской литературе переориентироваться на русский реализм, упоминая при этом, прежде всего, имена И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Оригинальность, масштабность и в то же время характерность этого, как кажется, очень понятного читательского запроса, на наш взгляд, трудно переоценить. Во-первых, это запрос на достоверность, на то, чтобы беллетристика могла выполнять просветительскую функцию помимо развлекательной (писательская погоня за захватывающим и сенсационным иногда даже в ущерб здравому смыслу вызывает общее недовольство всех участников дискуссии). Во-вторых, это попытка определить необыкновенно высокую планку для английской русской темы: в своем пределе «русские главы» и русские образы должны стремиться к той аутентичности, ощущение которой английскому читателю дают переводы оригинальных русских реалистических романов. И, в-третьих, подобный запрос свидетельствует о том, что интенсифицирующийся процесс мифологизирования русской темы готов к тому (и в этом даже есть

необходимость), чтобы обрести новый источник, которым английская читающая публика и предлагает стать русскому роману.

ГЛАВА 2. АНГЛО-РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РЕЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СЛУЧАЙ СИМВОЛИСТОВ

Возникшее в эпоху все возрастающего интереса к русской литературе, в первую очередь, к творчеству И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, а затем и Ф. М. Достоевского, Англо-русское литературное общество значительную долю своего внимания уделило в первую очередь осмыслению и обсуждению русской литературы XIX века и тяготеющим к ней авторам рубежа веков. Однако особый интерес представляет то, каким образом на страницы «Трудов» проникали современные Обществу поэзия и проза русского модернизма, Серебряного века, поскольку формы их восприятия и репрезентации не могли быть предзаданы и создавались «в режиме реального времени». На двух примерах из разновременных текстов «Трудов» мы и рассмотрим данную проблему.

Имена поэтов-символистов впервые появляются на страницах «Трудов Англо-русского литературного общества» в № 16 за ноябрь–декабрь 1896 и январь 1897 годов в докладе/статье «Беглый обзор русской литературы за 1896 год» за авторством некоего L. de Bogdanovich [9]. Под этой подписью, несколько изменяющей настоящее имя автора, скрывался писатель, журналист, литературный критик Лев Алексеевич Богданович (1860 — не ранее 1913), который, по-видимому, не просто выслал текст доклада в Общество для прочтения на одном из заседаний и публикации в «Трудах», как иногда поступали живущие далеко от Лондона авторы, но лично выступил перед членами Общества со своим сообщением и — по-русски (на данное обстоятельство указывает тот факт, что в печатной версии доклада сразу под именем автора стоит имя активного участника Общества Ф. П. Марчента (F. P. Marchant) — как переводчика текста на английский язык).

Выступление (устное и печатное) перед Обществом не было ни первым, ни последним опытом Богдановича как посредника между русской и английской

культурами. Его перу принадлежит, среди прочего, ряд очерков об Англии, (например, брошюра «Джон Рескин. Апостол религии красоты» (М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900)), а также обзор текущей русской литературы для влиятельного британского журнала «The Athenaeum» (1897). Последний факт литературно-критической карьеры Богдановича в рамках нашей темы заслуживает отдельного рассмотрения.

Как известно, еженедельник «The Athenaeum» в одном из июльских номеров публиковал обзоры европейских литератур за прошедший год под общей рубрикой «Континентальная литература». Несколько лет подряд (1891–1896) материал для подраздела «Россия» готовил П. Н. Милюков, с 1898 по 1900 год с журналом по приглашению У. Р. Морфилла сотрудничал К. Н. Бальмонт, а с 1901 года его на этом поприще сменил В. Я. Брюсов, который писал обзоры для «The Athenaeum» в течение последующих пяти лет вплоть до ликвидации рубрики [10; 11; 12; 13]. Л. А. Богданович написал для английского еженедельника всего один обзор текущей русской литературы — в 1897 году [14], рассмотрев, согласно требованиям редакции, события и тенденции русского литературного процесса с середины 1896 до середины 1897 года. Таким образом, простое сопоставление дат позволяет понять, что за первые полгода 1897 года Богданович по меньшей мере дважды высказывался на одну и ту же тему перед, в общем, одной и той же аудиторией — он дважды делал сообщения о состоянии современной русской литературы для английской читающей публики — сначала в Англо-русском литературном обществе, затем в «The Athenaeum». Однако как выборка авторов и произведений для рассмотрения, так и способ подачи и обобщения материала в двух его обзорах существенным образом различаются.

Начиная оба обзора с замечания, что литературная жизнь в России, в отличие от Западной Европы, протекает в основном на страницах периодики, потому что, в отличие от Англии, публиковать свои произведения отдельными изданиями могут себе позволить только корифеи или, напротив, дебютанты, Богданович в «The Athenaeum» переходит к пространному анализу

философских и социально-политических трудов, вышедших отдельными изданиями, которые во многом проясняют контекст современного русского литературного процесса, что и занимает у него больше половины и без того не слишком объемного обзора. Возвращаясь к художественной прозе («to *belles-lettres*, to Russian fiction»), Богданович относительно подробно останавливается только на романе П. Д. Боборыкина «По-другому» и повести А. Чехова «Мужики», также упоминая новые сочинения М. Горького, И. Потапенко, К. Головина и др. И хотя Богданович говорит о пессимистических тенденциях в современной русской литературе и даже употребляет слово «упадок» («decay») по отношению к ней, примечательно, что тем не менее во всем обзоре непосредственно о декадентстве и символизме как литературных явлениях не сказано ни единого слова, несмотря на то что имена З. Гиппиус, Д. Мережковского и А. Волынского, понятия «новый эстетизм», «новые поэты», а также название «Северный вестник», журнала, который «взял на себя роль представителя русского символизма и декаданса», появились впервые в «The Athenaeum» еще в обзоре предшественника Богдановича П. Н. Милюкова годом ранее, хотя и были им охарактеризованы в целом крайне отрицательно [15].

Разительно контрастирует с обзором для «Атенеума» сделанное полугодом ранее сообщение Богдановича в Англо-русском литературном обществе. Оно не только почти полностью посвящено детальному обсуждению некоторых исключительно литературных событий и фактов, но и включает в себя развернутый отзыв о «Северном вестнике» и Федоре Сологубе.

Сологуба Богданович представляет своей английской аудитории как «самого оригинального из наших восходящих беллетристов» («the most unique of our rising *belles-letterists*») [9, 61], автора «психологических рассказов» «Тени», «Червяк» и «К звездам» и «вдвойне декадентского» («doubly-decadent») романа «Тяжелые сны». Затем Богданович подробно пересказывает сюжет «Теней», отмечая, во-первых, силу мастерства Сологуба, благодаря которому рассказ производит на читателя «ужасное – почти сокрушительное –

впечатление»,³ и, во-вторых, тот факт, что публика прежде не встречалась с таким глубоким внутренним анализом сумасшествия. Все эти характеристики, которые Богданович дает рассказу, представляя его английскому читателю, свидетельствуют о том, что он стремится вписать его в уже знакомую Англии парадигму восприятия русской литературы как «психологической» и, соответственно, Сологуба определить как автора, на ином материале продолжающего традиции русской психологической прозы Тургенева, Толстого и Достоевского. Именно этим, представляется, можно объяснить следующее замечание Богдановича после изложения сюжета «Теней»: «Этот рассказ должен считаться болезненно-декадентским («a sickly-decadent one»), но невозможно не заметить талант, который в нем проявился» [9, 62].

Богданович завершает свое сообщение небольшим пассажем о «Северном вестнике». Его оценка этого журнала не так категорична, как у Милюкова, однако находится в том же русле. Признавая, что усиление декадентских тенденций, «рассадником» («hotbed») которых он называет «Северный вестник», составляет важную особенность русского литературного процесса (поэтического и прозаического) последнего года, он тем не менее констатирует: «К счастью, наше декадентство ограничивается “Северным вестником”» [9, 63]. Декадентство, по его мнению, «не способно придать подлинную глубину нашей национальной литературе» [9, 64].

О реакции и оценках аудитории позволяет судить комментарий, традиционно сопровождавший публикацию доклада в «Трудах». Казалет от имени присутствующих поблагодарил Богдановича за прекрасное сообщение о русском литературном процессе последнего года – предмете «столь мало известном в Англии и столь интересном» [9, 63] – и затем прочитал перевод «сатиры на злобу литературного дня» («a satire on the Literature of the hour»),

³ «Он воздействует на нервы и сознание читателя подобно ночному кошмару, и если бы не его чисто русский характер («its purely Russian character»), то его можно было бы поставить в один ряд с лучшими рассказами Эдгара По» [9,63].

взятой из московской газеты «Новости дня». Эта ремарка, а также характер пояснений к упоминающимся в пародии именам И. Потапенко, З. Гиппиус и Ф. Сологуба (Потапенко – «популярный и плодовитый автор, которого ценит Англо-русское литературное общество», а Сологуб и Гиппиус — «два автора «декадентской школы» » [9, 65]) в очередной раз подтверждают то, о чем косвенно и прямо свидетельствует и вся ситуация вокруг этого обзора в целом: в данном случае перед нами, условно говоря, «рецепция до рецепции» Серебряного века. И проблему, которая встает перед авторами и докладчиками Англо-русского литературного общества в связи с тем, что читающая публика не знакома не только с именами, но даже с самим литературным явлением в его своеобразии, можно сформулировать так: каким образом представлять инокультурного автора, с какими привычными понятийными рядами его связывать, чтобы, с одной стороны, сформировать доступный для публики образ этого автора и, с другой — не исказить некой стоящей за ним литературной реальности?

Опыт подобной репрезентации мы находим, например, в № 37 «Трудов...» за май–июль 1903 года в постоянном разделе «Notices and Notes» («Сообщения и заметки»), рубрике, которая, как и прочие, готовилась, по утверждению Д. Галтон,⁴ самим Казалетом. Здесь встречается заметка под названием «Недавняя русская литература», в которой в одном-двух предложениях рассказывается о новинках и событиях литературной жизни. Одна из них такого содержания: «Бальмонт, *талантливый переводчик Шелли* (курсив мой. — *И. А.*), читает лекции в Москве о “новой поэзии”» («Balmont, the able translator of Shelley, lectures at Moscow on “new poetry” ») [16].

К 1903 году имя Бальмонта было известно в Англии — однако в весьма узком кругу. В 1897 году по приглашению У. Р. Морфилла, известного слависта, Бальмонт прочел в Оксфорде несколько лекций о русской поэзии [17], затем, как уже было упомянуто выше, в течение трех лет писал обзоры текущей русской литературы для «The Athenaeum», сменив на этом поприще

⁴ Иногда Казалет привлекал к этому также Ф. П. Марчента [2, 279].

Богдановича, но если говорить о поэзии Бальмонта, то она для английского читателя была совершенно неизвестна: первые переводы начнут появляться в печати только под конец 1910-х годов. Таким образом, то, что для краткой и емкой характеристики Бальмонта используется именно имя Шелли, первое издание переводов которого Бальмонт закончил в 1899 году, неудивительно.

Особого же комментария заслуживает эпитет «талантливый, способный» («able»). Оставляя в стороне вызванную бальмонтовским переводом бурную полемику в отечественной печати, в том числе и разгромную рецензию К. И. Чуковского 1907 года в символистских «Весах» [18], отметим существование в английской гуманитарной традиции двух диаметрально противоположных точек зрения на этот перевод, высказанных людьми, оказавшими значительное влияние на рецепцию русской литературы в Англии. Хронологически не вполне релевантные для рассматриваемой характеристики, они тем не менее ярко демонстрируют всю потенциальную многозначность и разноплановость оценок в ближнем и дальнем контексте восприятия переводческого проекта Бальмонта на родине Шелли. Первая принадлежит У. Морфиллу, который неоднократно отзывался о бальмонтовском переводе более чем одобрительно, в том числе и в «Весах» незадолго до Чуковского: «Русским читателям знакомы поэмы Шелли: они введены в число русских книг К. Бальмонтом, в его прекрасных переводах» [19]. Резко противоположное мнение высказал Д. Святополк-Мирский в примечаниях к «Оксфордской книге русского стиха» (1924). Составляя краткую справку о Бальмонте, Мирский сообщает следующие факты — дату и место рождения и проживания, дату первой публикации и далее: «Он был первый из русских символистов, кто заслужил всеобщее признание и стал любимцем читающей публики. Испытал сильное влияние английской поэзии и перевел на русский своих кумиров, Шелли (скверно) («wretchedly») и Эдгара По (порядочно) («fairly well»)» [20]. Мирский и впоследствии не изменил своих взглядов в этом вопросе, и именно такая его оценка нашла отражение во влиятельнейшей «Истории русской литературы», где в кратком очерке о Бальмонте встречаются следующие строки:

«Полный стихотворный перевод Шелли (выполненный Бальмонтом. – *И. А.*) особенно плох; напротив, его переводы Эдгара Аллана По вполне приемлемы» («The complete metrical version of Shelley is especially bad; on the contrary, his translations of Edgar Allan Poe are quite acceptable») [21].

Что же побудило Казалета, при всей, как мы видим, неочевидности возможной оценки, высказаться благосклонно? Не исключая, разумеется, личных вкусов и предпочтений главы Общества, нельзя, тем не менее, не предположить, что дополнительной мотивировкой было стремление Казалета (и в этом он сроден Морфиллу) приветствовать и поощрять любое свидетельство взаимного интереса русской и английской культур. В подобном контексте колоссальный проект Бальмонта по переводу Шелли на русский язык (остающийся до сих пор самым крупным изданием переводов английского поэта [22]) не мог не быть встречен с самым благосклонным вниманием Обществом, одной из целей которого было укрепление «дружественных отношений между Великобританией и Россией».

* * *

В 1920 году Святополк-Мирский написал Морису Бэрингу о своем желании дебютировать в английской печати с серией эссе, которые он в тот момент готовил, – «о русских писателях, наименее известных» – «и это должно быть написано по-английски» [23]. Так в «The London Mercury» появились «Русские письма» – два из которых полностью посвящены символистам.⁵ Подобный выбор вполне обоснован с культурно-исторической точки зрения — ведь фактически впервые как цельное явление русская поэзия рубежа веков была представлена в Англии всего тремя годами ранее в антологии Пола Селвера «Современная русская поэзия» [25], а настоящему критическому ее осмыслению самим Мирским и было положено начало в «Русских письмах» и

⁵ С тем, что русский Серебряный век, особенно поэзию, в этот период в Англии практически не знали, соглашаются и современные исследователи [24].

затем дано продолжение в работе «Современная русская литература. 1881–1925» [26]. Первая же попытка включить поэтов Серебряного века в английский канон русской поэзии произошла в 1924 году силами Мориса Бэринга при участии Мирского – в «Оксфордской книге русского стиха», куда наряду с Г. Р. Державиным, И. А. Крыловым, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, А. А. Фетом, Ф. И. Тютчевым и другими вошли стихотворения В. С. Соловьева, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, А. А. Блока, М. А. Волошина [27].

Таким образом, мы видим, что рассмотренные нами примеры из «Трудов Англо-русского литературного общества» относятся даже не к началу английской рецепции русского Серебряного века, а как бы к «затакту» ее. Тем больший интерес представляет изучение такого рода феноменов — поскольку они позволяют проследить *ab ovo* формирование самого языка описания явлений, полноценной рецепции которых еще только предстоит произойти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многоуровневая сложность взаимоотношений Российской и Британской империй в течение нескольких веков существовала в том числе и в области культуры. Тем любопытней и знаменательней для осмысления межкультурных отношений между народами оказывается яркий период сближения на рубеже XIX-XX веков, сопровождавшийся в Англии живым интересом к России, русскому народу, русской истории и русской культуре. Скромную, но по-своему замечательную роль в этой «смене вех» в отношении к России сыграло Англо-русское литературное общество.

К *основным достигнутым результатам научно-квалификационной работы* можно отнести тот факт, что впервые была осмыслена роль Англо-русского литературного общества в русско-английских литературных взаимосвязях путем изучения его места в истории рецепции русской литературы в Англии и истории осмысления образа России в английской литературе; впервые на примере «Трудов Англо-русского литературного общества» проанализированы некоторые особенности формирования английского канона русской литературы и установлен ряд связанных с этим процессом фактов.

Перспективные пути дальнейшей разработки темы связаны с ее обширностью и малоизученностью. Необходимо детально рассмотреть таким же образом, как это было сделано для Серебряного века, особенности английской рецепции русских древних текстов, произведений XVIII и XIX веков, упоминаемых в «Трудах», что позволит дать полное и детальное описание особенностей процесса формирования литературной репутации России в Англии на рубеже XIX-XX веков. Кроме того, анализ ряда докладов и рецензий на романы «на русскую тему», сделанных участниками Общества, позволит в динамике проследить становление образа России в английской литературе этого периода.

Практическая значимость научной работы заключается в возможности использовать полученные результаты при разработке курсов по истории русско-английских литературных взаимосвязей, истории английской рецепции русской литературы, истории Англо-русского литературного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beasley R., Bullock P. R. Introduction. Against Influence: On Writing about Russian Culture in Britain // *Russia in Britain 1880–1940*. Oxford, 2013. P. 1.
2. Galton D. The Anglo-Russian Literary Society // *The Slavonic and East European Review*. 1970. № 111. P. 272–282.
3. Давидсон А. Б. О роли культурных связей в международных отношениях: Англо-российское литературное общество (1892–1930 годы) // *Новая и новейшая история*. 2009. № 4. С. 85–98.
4. Dr. John Pollen's Paper on the Russian Language and Literature // *The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings*. 1893. № [1]. P. 9–10.
5. [Cazalet E. A.]. [The President's opening address] // *The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings*. 1893. № [1]. P. 6.
6. Toulmin Smith F. That the Representation of Russian Life in English Novels is Misleading // *The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings*. 1899. № 25. May–July. P. 88–110.
7. Алексеев М. П. Роберт Браунинг и его русские отношения // *Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока*. СПб., 1998. С. 260.
8. Cross A. G. *The Russian Theme in English Literature*. Oxford, 1985. P. 44.
9. Bogdanovich L. de. A Cursory Review of the Russian Literature for the year 1896 // *The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings*. 1896/1897. № 16. Nov. — Jan. P. 49–65.
10. Ильёв С. П. Валерий Брюсов и Уильям Морфилл // *В. Брюсов и литература конца XIX–XX века*. Ставрополь, 1979. С. 90–106.
11. Он же. К. Д. Бальмонт — обозреватель русской литературы конца XIX века // *А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сборник VII*. Тарту, 1986. С. 99–112 (Учен. зап. Тартуского гос ун-та; вып. 735).
12. Он же. Русская литература 1898–1899 годов в обзоре Константина Бальмонта // *Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные*

- искания XX века: Межвузовский сб. научных трудов. Иваново, 1993. С. 35–42.
13. Он же. Статьи В. Брюсова в «The Athenaeum» // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 569–579.
 14. The Athenaeum. 1897. 3 July. № 3636. P. 26–28.
 15. Milyoukov P. Russia // The Athenaeum. 1896. 4th July. № 3584. P. 25–27.
 16. The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1903. № 37. P. 101.
 17. Cross A. G. Konstantin Bal'mont in Oxford in 1897 // Oxford Slavonic Papers. 1979. Vol. 12. P. 104–116.
 18. Чуковский К. И. В защиту Шелли // Весы. 1907. № 3. С. 61–68.
 19. Morfill W. R. [Морфилл У. Р.] Письмо из Англии // Весы. 1904. № 5. С. 31.
 20. Mirsky D. S. Notes // The Oxford Book of Russian Verse / Chosen by the Hon. Maurice Baring. Oxford, 1924. P. 205.
 21. Mirsky D. S. A History of Russian Literature. London, 1949. P. 433.
 22. Иванова А. С. К. Д. Бальмонт — переводчик английской литературы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. С. 7.
 23. Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life. Oxford, 2000. P. 74.
 24. Beasley R. Reading Russian: Russian Studies and the Literary Canon // Russia in Britain 1880–1940. P. 183, 185.
 25. Selver P. P. Modern Russian Poetry. Texts and translations. London; New York, 1917.
 26. Mirsky D. S. Modern Russian Literature. London, 1925.
 27. The Oxford Book of Russian Verse / Chosen by the Hon. Maurice Baring. Oxford, 1924.